

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-47-60

АНТИМОНГОЛЬСКАЯ КОАЛИЦИЯ ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ И ЕЕ СУДЬБА

© 2020

Д. М. Тимохин*

После разгрома Хорезмийского государства в войне с монголами в 1219–1221 гг. его последний правитель Джалал ад-Дин Манкбурны попытался закрепиться на территории Северной Индии, однако затем покинул этот регион. Формирование им собственного государства в пределах Ирана и Южного Кавказа сопровождалось активной дипломатической деятельностью, целью которой являлось, в том числе, создание коалиции различных государств Ближнего Востока и Малой Азии. Помимо борьбы с халифом ан-Насиром за доминирование в землях Ирака Персидского, хорезмшах активно искал союзников для борьбы с монгольской угрозой. В данной статье автор прослеживает судьбу антимонгольской коалиции, формированием которой Джалал ад-Дин Манкбурны занимался вплоть до своей гибели в 1231 г. Помимо истории сложения данного союза и обстоятельств, связанных с вовлечением в него различных политических лидеров Ближнего Востока и Малой Азии, перед статьей стояла задача осветить также непосредственно само противостояние с монгольскими завоевателями и, как апогей этой борьбы — битву при Исфахане в 1227 г. Перед автором статьи стояла и цель выявить причины развала указанной коалиции, разгрома Хорезмийского государства после битвы при Йассе-Чамана и гибели самого Джалал ад-Дина Манкбурны. Предпринятое исследование — первый пример специальной работы по указанной тематике в российском востоковедении. Статья базируется на широкой источниковой базе и учитывает основные работы по истории Хорезма и сопредельных регионов, в которых рассматривается интересующая нас проблематика.

Ключевые слова: Джалал ад-Дин Манкбурны, Хорезм, монголы, Иран, Южный Кавказ.

Для цитирования: Тимохин Д. М. Антимонгольская коалиция Джалал ад-Дина Манкбурны и ее судьба. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 47–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-47-60

JALAL AD-DIN MANKBURNY'S ANTI-MONGOL COALITION AND ITS FATE

Dmitry M. Timokhin

After the defeat of the Khorezm state in the war with the Mongols in 1219–1221, its last ruler, Jalal ad-Din Mankburny tried to gain a foothold in Northern India, but then left the region. The beginnings of his own state within Iran and the South Caucasus is accompanied by active diplomatic

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9093-5269

activity, in order to, among other things, create the coalition of various states of the Middle East and Asia Minor. Besides fighting Caliph al-Nasir for dominance in the lands of Iraq Persian, Khorezmshah was actively looking for allies to fight the Mongol threat. The author traces the fate of the anti-Mongol coalition, actively forged by Jalal ad-Din Mankburny until his death in 1231. Besides the history of this Alliance and various political leaders of the Middle East and Asia Minor participation in , the author also focuses on the confrontation with the Mongol conquerors and, as the apogee of this struggle, on the battle of Isfahan in 1227. Another important goal of this study is to identify the causes of this coalition's collapse, the defeat of the Khorezm state after the battle of Yassa-Chamana and the death of Jalal al-Din Mankburny himself. This study is the first research, focusing on this topic in Russian Asian studies.

Keywords: Jalal ad-Din Mankburny, Khorezm, the Mongols, Iran and the South Caucasus.

For citation: Timokhin D. M. Jalal ad-Din Mankburny's Anti-Mongol Coalition and Its Fate. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 1. Pp. 47–60. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-47-60

Монголо-хорезмийская война 1219–1221 гг. положила конец существованию одной из самых могущественных держав Среднего Востока — государства Ануштегинидов, в состав которого входили не только территории Хорасана и Мавераннахра, но также земли Ирана, Ирака, Афганистана и северной Индии. Последний правитель Хорезма Джалал ад-Дин Манкбурны сумел оказать сопротивление монгольской экспансии и в 1221 г. в битве при Перване даже разгромил корпус под командованием Шиги-Хутуху. Однако его противостояние Чингисхану закончилось разгромом хорезмийского войска в том же году в битве на реке Инд, после чего государство Ануштегинидов окончательно перестало существовать. Однако самому Джалал ад-Дину удалось спастись после этого поражения, и он начал наращивать собственные силы и бороться за доминирование уже в пределах северной Индии. В результате деятельности хорезмшаха в этом регионе против него сложилась коалиция североиндийских правителей, вынудивших Джалал ад-Дина покинуть ее пределы и уйти в земли Южного Ирана. В домонгольский период эти территории входили в состав Хорезмийской державы, в связи с чем последнему представителю династии Ануштегинидов удалось не только закрепиться в пределах Кермана и Фарса, но и начать формирование собственного независимого государства. В процессе завоевания новых территорий и укрепления военного могущества хорезмшах вел и активную дипломатическую деятельность, в результате которой сформировалась коалиция политических лидеров Ближнего Востока и Малой Азии. Наше исследование посвящено истории этой коалиции и ее деятельности, равно как и судьбе последнего хорезмшаха из династии Ануштегинидов.

Начало активных дипломатических действий и формирования коалиции союзников было положено сразу же после возвращения Джалал ад-Дина из Индии в 1225 г. и подчинения им областей Кермана и Фарса. При этом он фактически отстранил от управления землями западного Ирана собственного брата Гийас ад-Дина: «Таким путем султан [Джалал ад-Дин] в этом кругу занял положение, [соответствующее] султанскому. Ханы и эмиры приходили к нему с саванами на плечах просить прощения. С лицами, испачканными землей, они становились перед ним с просьбой простить им совершенные ранее преступления — помощь выступавшим против него. В извинениях он услышал то, что восстанавливало их дружественность к нему и удаляло возобновление их зла. Стали чисты для него напитки власти, молоко [от доходов]

правления обильно потекло к нему, и поступали сокровища городов и крепостей. Прошло лишь немного времени, и перед его порогом предстали те, кто находился в Хорасане, Ираке и Мазандаране из числа захвативших власть там. Страх перед ним заставил их спуститься с вершин крепостей, привлек из самых отдаленных их земель. Они стали без приглашения прибывать один за другим. Среди них [явились] такие, чей образ действий в дни смуты был добропорядочен; они выдворялись на свои места. Были среди них и вступившие на скверный путь: они испытали губительность своего тиранства, а ведь раньше они были стойкими в своем упрямстве. Были и такие, кто, отделившись, провозглашал хутбу [лишь] Гийас ад-Дину. Но вот погибли остатки призраков в своей борьбе и [исчезли] последние их Духи во взаимном уничтожении. Таким образом, дни султана очистились от удручавших его людей и погасли те огни смут, что еще горели. Вазиры и амиры разошлись в разные концы [земель] с султанскими указами и контролировали их исполнение» [ан-Насави, 1973, с. 142–143].

Первоначально хорезмшах создавал союзную коалицию для захвата территорий Персидского Ирака и для войны с Багдадом: по всей видимости, о защите от монгольской угрозы или же о попытке отбить часть бывших территорий государства хорезмшахов к востоку от области Рей речь на тот момент не шла. Активное противостояние Джалал ад-Дина багдадскому халифу ан-Насиру можно объяснить как прагматическими соображениями в виде приобретения земель Ирака, так и мстью за разгром Хорезма монгольскими войсками, к чему, по мнению отдельных арабо-персидских историков, косвенное отношение имел и правитель Багдада¹. Опираясь на данные арабо-персидских источников, современные исследователи не только подтверждают, что поход хорезмшаха на Багдад был продиктован в том числе желанием отомстить, но и отмечают, что Джалал ад-Дин имел могущественных союзников уже во время этой военной кампании. «Поход хорезмшаха на Багдад нельзя объяснять только его желанием получить помощь против монголов. Султан, по-видимому, имел тайное намерение отомстить халифу, которого считал виновным в разгроме государства Хорезмшахов и гибели своего отца — султана Ала ад-Дина Мухаммада. Джалал ад-Дин, вероятно, знал о тайной переписке халифа с монголами, и поэтому во время похода на Багдад он написал ал-Малику ал-Муаззаму следующее письмо: “Будь готов ты и те, кто заключил со мной соглашение — мы двинемся против халифа, так как он является причиной гибели мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама”. Таким образом, находятся доводы, подтверждающие предположения о тайной переписке халифа ан-Насира с монголами, основной целью которой было уничтожение государства Хорезмшахов» [Бунятов, 1986, с. 163].

Причину союза между последним хорезмшахом и упомянутым выше ал-Маликом ал-Муаззамом достаточно легко объяснить прагматичными соображениями, которые никак не связаны с монгольской угрозой. Последний был одним из сыновей покойного владетеля Египта и Сирии Айюбида ал-Малика ал-Адила и вел войну со своими братьями — ал-Маликом ал-Камилом, владевшим Египтом, и ал-Маликом ал-Ашрафом, правителем областей Джазиры, Хилата и Майафарикина. В этой борьбе ал-Малик ал-Муаззам нуждался в помощи Джалал ад-Дина не меньше, чем тот в его

¹ [Бунятов, 1986, с. 163]. См. также: [Mirhond, 1840, p. 302; Histoire des Mogols, 1874, p. 105; Бунятов, 1986, с. 125–126, 218].

поддержке против Багдада. Ал-Муаззам опасался ударов и с юга, и с севера, поэтому он был серьезно заинтересован в активных действиях хорезмшаха не только против халифа ан-Насира, но и против собственного брата, ал-Малика ал-Ашрафа. Таким образом, первоначально Джалал ад-Дин Манкбурны формирует союзнические отношения ал-Маликом ал-Муаззамом уже в 1225 г., а обмен посольствами между ними происходит как накануне, так и во время хорезмийского похода на Багдад. Вероятно, определенные дипломатические контакты между ними могли происходить и несколькими годами ранее, то есть в 619/1222 г., о чем пишет, в частности, З. М. Буниятов с опорой на данные, приводимые Абу Шамой ал-Макдиси [Буниятов, 1986, с. 162]². Последнее вызывает определенные вопросы, поскольку в этот период Джалал ад-Дин находился еще в северной Индии и вовсе не предполагал вмешательство в дела Ирана и Ирака, пытаясь закрепиться в указанном регионе. В связи с этим посольство 1222 г. со стороны ал-Малика ал-Муаззама к хорезмшаху выглядит сомнительно с учетом отсутствия о нем данных у хорошо осведомленного об «индийском» периоде жизни Джалал ад-Дина персидского историка ан-Насави [ан-Насави, 1973, с. 129–143].

Дипломатическая активность последнего хорезмшаха станет особенно заметна после кампании 1225 г. против Багдада [Ибн ал-Асир, 2006, с. 370–371; Джувейни, 2004, с. 298–299] в контексте завоевания Джалал ад-Дином государства атабеков Азербайджана и вторжения его военных сил в пределы Южного Кавказа. Хорезмшах заключал военные союзы с локальными правителями и ранее, например, с правителем Ирбиля, Музаффар ад-Дином [Джувейни, 2004, с. 299], однако после 1225 г. политическая и военная значимость союзников Джалал ад-Дина становится неизмеримо выше. Об этом сообщает, в частности, ан-Насави при описании начала хорезмийской экспансии в пределы государства атабеков Азербайджана. «После того как Йиган Таиси стал нести службу [вассала], а Ирак был освобожден от тех, кто сеет смуту и управляет нечестно и недостойно, султан направился в Азербайджан. Когда он приблизился к нему, Шараф ал-Мулк получил письмо от жителей Мараги, побуждавших султана к решению идти туда, чтобы освободить их от того позорного гнета, который им пришлось испытать, от произвола важных господ, [правивших] государством, и [от] власти женщин. [Они терпели] еще от того, что грузины вцепились когтями в нее (Марагу), а также из-за слабости их владетеля — атабека — в защите своей неприкосновенности и обороне своего владения. Тогда султан устремился к ней и вошел в нее, не встретив сопротивления. Пробыв в ней несколько дней, он отправил оттуда кади Муджир ад-Дина Умара ибн Са'да ал-Хорезми в качестве посла к владетелю ар-Рума и владетелям ап-Шама с письмами, содержащими уведомление о том, что он овладел областями Азербайджана и острием своих зубов вырвал те [области], в которые вцепились было клыки грузин. Это были два его аргумента перед Господом его! Он уведомлял их о том, что он намерен совершить набег на грузин, подвергнуть их разорению и опустошению и показать им, что в доме есть хозяин. И в основу [писем] было положено начало дружелюбия» [ан-Насави, 1973, с. 155].

² В данном случае З. М. Буниятов ссылается не на хорошо известное издание «Китаб ар-Раудатайн фи ахбар ад-даулатайн ан-нурийа ва-с-салахийа» («Книга двух садов в известиях двух династий»), а на публикацию выдержек из этого сочинения, увидевшую свет в 1947 г. в Каире.

Такие же сведения мы находим и в более позднем сочинении Ибн Биби [Histoire des Seldjoudes, 1902, р. ۱۵۴–۱۵۵], легшем в основу современных исследований: «Султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I принял посла Хорезмшаха с большим почетом. Цель посольства, казалось, была достигнута: были установлены дружеские отношения между обоими султанами, и они скрепили свою дружбу браком сына Кей-Кубада I — Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II (1236–1245 гг.) с сестрой правителя Ширази атабека Абу Бакра ибн Саада (1226–1260 гг.) родственницей Джалал ад-Дина» [Бунятов, 1986, с. 165]. Среди зарубежных исследований хотелось бы, в данном случае, выделить работу Х. Хорста, где автор приводит текст послания Джалал ад-Дина Муджиру ад-Дину Шараф ал-Исламу, везиру султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I. «Это послание для восстановления дружеских связей создано в прошлой декаде джумада II в Мараге, которая является единственной нашей столицей, отправлено к Ала ад-Дину (Кей-Кубаду I) и к Муджир ад-Дину Шараф ал-Исламу Насир ал-Мулуку ва с-Салатину, уважаемому высокому служителю двора, посылаем (послание), чтобы он устранил несоответствия и согласовал необходимое. Необходимо, чтобы Ала ад-Дин удовлетворился услышанным словом и признал нашего посланника» [Horst, 1964, р. 101]. Таким образом, на данном этапе в качестве союзников хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны выступали и султан Рума Ала ад-Дин Кей-Кубад I, и владетель Дамаска ал-Малик ал-Муаззам, а также упомянутый выше правитель Ирбиля Музаффар ад-Дин Гек-Бори. Что касается двух последних, то «оба новых союзников Джалал ад-Дина стали упоминать его имя в хутбе и на монетах» [Бунятов, 1986, с. 165].

Как видно из сообщения ан-Насави, союзнические отношения между хорезмшахом и упомянутыми правителями выстраивались не столько по причине монгольской угрозы, сколько исходя из насущных и общих геополитических задач: прежде всего, необходимости ослабления или же полной ликвидации угрозы со стороны Грузинского царства в отношении Южного Кавказа и сопредельных регионов. Что же касается государства атабеков Азербайджана, то оно не представляла угрозы, будучи, наоборот, легкой добычей по причине слабости центральной власти и самого атабека, Музаффар ад-Дина Узбека. При этом, как это будет показано ниже, формирование такой коалиции с точки зрения Джалал ад-Дина было обусловлено и другими факторами: прежде всего, в случае попыток ан-Насира взять реванш за поход 1225 г., Ирбиль и его наместник угрожали халифу с севера, султан Кей-Кубад I и его войско с запада, а ал-Малик ал-Муаззам — с юго-запада. В случае же монгольской угрозы у хорезмшаха был обеспечен крепкий тыл и варианты отступления, а также появилась возможность получить военную помощь, а не противостоять завоевателям в одиночку. Однако у нас нет данных о том, что участники коалиции и сам Джалал ад-Дин ставили целью отбить какие-либо территории, уже захваченные монголами. По всей видимости, подобный союз обеспечивал безопасность новой Хорезмийской державы, однако никоим образом не мог помочь ее правителю в восстановлении былых границ, существовавших до 1219 г.

Однако вместо того чтобы укреплять собственную коалицию и последовательно формировать новые союзнические отношения с целью обезопасить собственное государство и прилегающие регионы от монгольской угрозы, после захвата Грузии и подчинение большей части Южного Кавказа хорезмшах не снижает военную активность. Именно неоднократные попытки захвата Хилата и вмешательство в

политическую ситуацию в Малой Азии заставили уже имеющихся у Джалал ад-Дина союзников насторожиться [Ibn Haldun, 1849, p. 511; ан-Насави, 1973, с. 172]. Не удивительно, что, когда в 1227 г. в пределах Хорезмийского государства появятся монгольские отряды, хорезмшах сможет рассчитывать лишь на собственные силы в битве с ними при Исфахане. «Когда войска атаквали друг друга, правый фланг монголов сшиб левый фланг султана и отбросил [его] до Луристана. Правый же фланг султана сшиб левый фланг монголов и отбросил его до пределов Рея. Никто не знал друг о друге; войска смешались. В то время как султан оставался в центре, знамя [‘алам] его сдвинулось с места. Его окружили со всех сторон. Атабек Мейбуда, Рукн-ад-дин Абу-л-фатх Ала-ад-доула, прозвание которого было Ата-хан, в этом сражении принял мученическую кончину. Султан жестоко сражался, пока не выскочил из окружения; он бросился в направлении Луристана. В одном ущелье остановились [отдохнуть]. Там к нему стали присоединяться отдельные беглецы» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 1, кн. 2, с. 243–244]. Ан-Насави отмечает при описании этой битвы, что «не было и такого случая, чтобы бегство от страха занесло остатки обоих войск в отдаленные места их стран, на самую окраину их земель» [ан-Насави, 1973, с. 185]. В более поздних источниках данные об этой битве в целом соответствуют сведениям из труда ан-Насави [См.: Джувейни, 2004, с. 309], однако есть и арабо-персидские памятники, где предлагается совершенно фантастическое описание сражения под Исфаханом. «Чингиз-хан Джурми-хана отправил с великим войском и Барак Хаджеб также против Джалал ад-Дина принял решение (выступить). Неподалеку от Балха они столкнулись, Джалал ад-Дин, посоветовавшись, в бой вступил и потерпел поражение, после чего бежал в Азербайджан. Джурми-хан ту область занял, а Джалал ад-Дин в это время собирал войска. Наконец, их армии столкнулись друг с другом вновь, и Джурми-хан был разбит и попал в плен» [Tarih-i al-i Saljuk, 1999, p. 75–76].

В источниках нет данных о том, что накануне сражения с монголами при Исфахане в 1227 г. Джалал ад-Дин обращался за помощью к союзникам — в этой битве он смог, в итоге, рассчитывать лишь на собственные силы. Весьма вероятно, что за два года существования созданная хорезмшахом коалиция правителей Ближнего Востока и Малой Азии перестала существовать, а точнее — перестала поддерживать самого Джалал ад-Дина. Выше мы уже сказали несколько слов о причинах подобных изменений, остановимся же на этом несколько подробнее. С одной стороны, эти изменения в отношениях с Джалал ад-Дином Манкбурны связано с агрессивной внешней политикой, проводимой хорезмшахом после возвращения из северной Индии. Пока хорезмийские военные походы были направлены против Багдада и Грузинского царства, это полностью устраивало союзников Джалал ад-Дина. Однако после разгрома грузинских военных сил в 1225 и 1226 гг., а также с началом доминирования Хорезмийской державы на Южном Кавказе хорезмшах начинает активно вмешиваться в дела сопредельных регионов, что, как показывают неоднократные попытки осады Хилата, не могло не беспокоить его союзников. С другой стороны, за фасадом военных успехов Джалал ад-Дина не трудно увидеть внутриполитические проблемы созданного им государства. Занятый преимущественно военными мероприятиями, хорезмшах упускает рычаги управления и позволяет региональным лидерам не просто вести самостоятельную политику, но и обрести полную независимость от центра, откалываясь от него и формируя собственные

государственные образования. Наиболее яркий пример такого развития событий — Керман, где уже с 1225 г. независимо правит Хаджеб Барак, и сам Джалал ад-Дин ничего не может с этим поделать. Этот региональный правитель не только сумел обрести независимость от Хорезмийской державы, но и выстроил отношения с самыми очевидными ее противниками. «Барак Хаджеб немедленно отправил послов с большими подношениями и дарами ко двору Багдадского халифа, а затем к Чингисхану, чтобы в двух этих странах иметь союзников. От Святого двора Халифа он получил лакаб Кутлуг-султана и от дивана Чингисхана он также получил лакаб Кутлуг-хана» [Natanzi, 1957, s. 23].

Вероятно, сочетание агрессивной внешней политики Джалал ад-Дина с проблемами, возникшими в его государстве, заставили вчерашних союзников относиться к хорезмшаху более настороженно, в результате чего в битве при Исфахане он был вынужден опираться против монголов лишь на собственные силы. Однако после этой победы мы не видим существенных изменений ни во внешней, ни во внутренней политике Хорезмийской державы. Неустойчивость власти хорезмшаха в рамках уже завоеванных регионов объясняет восстание в Грузии и необходимость вновь бросить все силы на очередное покорение этих земель в 1228 г. «Узнав о том, что его и адарбадаганским войскам не выстоять против (татар), покинул Адарбадаган и вновь удалился в Тбилиси (так в издании перевода. — Д. Т.). Проведав об этом, царица Русудан созвала все свое воинство, имеров и амеров, мандатурт-ухуцеса Шанше, ампрспасалара Авага, мсахурт-ухуцеса Варама, эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, Цотне Дадияни, человека почтенного и достойного; абхазов, джиков и всех из имерского царства, говорить о коих порознь недосуг. И отверзла Врата Дарияльские и впустила осов, дуразуков и заодно с ними всех горцев. Собрались в Начармагеви во множестве неисчислимом, и отправила царица их на войну с хорезмийцами» [Цулая, 1981, с. 124]. Арабо-персидские источники подтверждают формирование огромного войска царицы Русудан: «было собрано войско, в которое вошли грузины, аланы, армяне, сариры, лакцы, кифчаки, сваны, абхазы, чанеты, сирийцы и румийцы, к которым присоединились мужи, закаленные в огне жизни и избранные в день битвы» [Джувейни, 2004, с. 310]. Победа хорезмшаха в этом противостоянии и последующее разграбление территории Грузии не только существенно истощили экономический и демографический потенциал данного региона, но и лишней раз продемонстрировали тот факт, что власть самого Джалал ад-Дина Манкбурны опиралась лишь на силу оружия [ан-Насави, 1973, с. 225; Джувейни, 2004, с. 311].

Необдуманные поступки в отношении мусульманских соседей, свойственные Джалал ад-Дину до битвы при Исфахане, продолжились и в последующие годы. «Когда султан достиг желаемого в деле разгрома грузин и рассеял их полчища, загнав их в самые отдаленные места их страны, и освободил пленных, находившихся в Лори, он направил обозы [войск] в Хилат по дороге в Кагызван. Ханам и эмирам он предложил спокойно следовать с имуществом в сторону Хилата, чтобы это стало там известно, сам же поспешно направился в Нахичеван, так [быстро], что прибыл в округ Бджни раньше, чем пришла весть о нем. Здесь он ночью укрылся в некоторых ущельях с силами около тысячи всадников из своих личных мамлюков и хаджибов. С ним же находился и Шараф ал-Мула» [ан-Насави, 1973, с. 226]. Осада Хилата в 1228 г. закончилась также

неудачно, однако хорезмшах не оставляет попыток овладеть этим городом и прилегающими к нему территориями, что, с одной стороны, выгодно некоторым его союзникам, а с другой — настраивает против Джалал ад-Дина других правителей Малой Азии и Ближнего Востока. «Когда хорезмшах Джалал ад-Дин совершал второй поход на Хилат и набеги на Юго-Восточную Анатолию, к нему в крепости Тугтаб прибыло послание от конийского султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I, который постоянно враждовал с Аййубидами. В письме Кей-Кубад I подстрекал хорезмшаха к активным военным действиям против Аййубидов, обещая ему всяческую помощь» [Буниятов, 1986, с. 176]. Противостояние с Аййубидами отнюдь не способствовало укреплению сформированной хорезмшахом коалиции, а его собственная военная мощь растрачивалась на подобные военные кампании, в то время как монголы — и битва под Исфаханом тому подтверждение — не оставляли попыток расширить владения в Иране и сопредельных регионах. Взятие Хилата в 1230-м г. хорезмийскими войсками еще больше осложнило политические отношения между Джалал ад-Дином и его союзниками, а не укрепило их. В сочинении ан-Насави есть сообщение о том, что во время осады указанного города к хорезмшаху прибыло письмо от сестры Хан-Султан, находившейся в плену у монголов. В письме содержались выгодные предложения о разграничении сфер влияния: «К хакану дошло известие о твоей силе, о твоём могуществе и об обширности твоих владений. Поэтому он решил с тобой породниться и договориться о том, чтобы владения ваши были разграничены рекой Джейхун: тебе все, что до реки, а ему все, что за рекой. Поэтому если ты найдешь силы противостоять им (монголам), отомсти, сражайся с ними: если одолеешь, то поступай, как захочешь. Если нет — пользуйся случаем примириться, пока они этого хотят!» [ан-Насави, 1973, с. 232]. К сожалению, другие источники не подтверждают этого факта и, по всей видимости, этого послания либо не было вовсе, либо оно было проигнорировано хорезмшахом, не желавшим заключать никакие договора со своим самым главным противником.

Очередная осада и взятие Хилата в 1230-м г. становится отправной точкой для развала той коалиции союзников, которую сформировал хорезмшах в 1225-м г.: Джалал ад-Дин решил расширить государство за счет территорий, подконтрольных султану Коньи Ала ад-Дину Кей-Кубаду I, самому могущественному из правителей, с которыми у хорезмшаха были выстроены союзнические отношения. За исключением труда ан-Насави источники не дают четкого ответа на вопрос, почему Джалал ад-Дин решил собственноручно разрушить сложившуюся ситуацию. Ан-Насави полагал, что на действия хорезмшаха повлияли интриги его визиря Шараф ал-Мулка, подталкивавшего Джалал ад-Дина к этой войне [ан-Насави, 1973, с. 246-247]. Можно отметить и другие внешние факторы, способствовавшие столкновению: «Когда султан овладел Хилатом и направился к Маназджирду, чтобы подготовить его осаду, вторично прибыл правитель Арзан ар-Рума Рукн ад-Дин Джахан-шах ибн Тогул. Он сообщил султану о союзе владык аш-Шама и ар-Рума против него и сказал: «Поистине, будет разумнее, если начать до того, как они соберутся, потому что тогда дело станет ненадежным. Нужно наступать против каждого из них в отдельности еще до того, как они будут готовы, пока они обособлены и удалены друг от друга]. Это лучше, чем позволить им осуществить их намерение действовать вместе» [ан-Насави, 1973, с. 254]. Если верить этим сведениям, антихорезмийская коалиция сложилась еще до начала агрессивных действий Джалал ад-

Дина против Ала ад-Дина; главной причиной ее формирования станет успешная осада и взятие Хилата. Косвенно это подтверждают и отдельные арабо-персидские памятники: «В то время, когда Джалал ад-Дин был занят осадой Хилата, жители этого города отправили скрытным образом гонцов в сторону Рума и Сирии, которые умоляли правителей тех краев о том, чтобы они заступились за них и оказали помощь» [Mirhond, 1842, s. 117].

В качестве еще одной редко отмечаемой исследователями причины, из-за которой бывшие союзники становятся врагами, выступает изменение политики Ала ад-Дина в отношении монгольской угрозы. Сведения об этом содержатся в тексте Ибн Биби, где описывается посольство Ала ад-Дина к хорезмшаху и приводится текст его послания Джалал ад-Дину [Histoire des Seldjoucides, 1902, p. ۱۵۹–۱۶۸]. В свою очередь, З. М. Бунятов предлагает перевод интересующего нас фрагмента из этого исторического сочинения, однако не делает акцент в своем исследовании на эволюции антимонгольских настроений в Конье. «Мы испытываем большое уважение к победоносному султану. Передайте ему, что его высокие помыслы, по наущению некоторых изменников, обернулись в сторону Хилата, а эти его действия весьма далеки от разумной мысли. Мы полагаем, что сегодня самым приемлемым для нас путем является путь мирного согласия с монголами. И если это окажется приемлемым, пусть султан сделает все возможное для того, чтобы открыть со своей стороны двери мирных переговоров. Было бы полезным во имя интересов всех мусульман, чтобы султан немедленно направил послов к монголам. И есть надежда, что с помощью мягких слов, денег и подарков обе стороны смогут погасить полыхающий повсеместно огонь раздора. Безусловно, султану известно, что если он начнет действовать в этом направлении, то он сможет использовать и наши возможности. Это вы доведете до султана в точности. И если султан сумеет добиться исполнения этого единственного решения, способствующего процветанию его государства, то тогда он освободит свои войска от походов на христиан Грузии и соседних земель и использует их для походов на Арран. Если султан направит послов к монголам, запросит договора и мира и откажется от притеснения мусульманских стран и бесцельного кровопролития, то мы не пожалеем для этого ни золота, ни серебра. Но если он по наущению изменников отвернется от этих советов, тогда возникнет необходимость дать ему вразумительный ответ со стороны коалиции мусульманских правителей. Мы будем добиваться своих целей, и изберем путь отражения угроз, и будем сражаться во имя своих интересов» [Бунятов, 1986, с. 178–179].

В послании Ала ад-Дина хорезмшаху выдвигались требования, выполнив которые последний мог гарантировано избежать столкновения с правителями Ближнего Востока и Малой Азии, но было ли данное предложение выполнимым? Если исходить из текста, приведенного Ибн Биби, выдвинутые условия следует признать заведомо невыполнимыми: Джалал ад-Дину предлагали остановить агрессию в отношении Грузинского царства, большая часть территорий которого к этому моменту уже входила в состав Хорезмийской державы, то есть отдать уже завоеванные земли. Предложение Ала ад-Дина сосредоточиться на подчинении ар-Рана, который, впрочем, уже был им завоеван, выглядит как завуалированное предложение довольствоваться малым: до прихода Джалал ад-Дина в пределы Южного Кавказа этот регион был объектом борьбы между Грузией и государством атабеков Азербайджана. Когда последнее политические

образование перестало существовать, его место заняла держава хорезмшаха, главе которого и предлагалось забыть о военной активности к западу от границ ар-Рана. Совершенно очевидно, что предложения Ала ад-Дина выглядели неприемлемыми и даже оскорбительными для хорезмшаха. Не менее вызывающим было предложить Джалал ад-Дину начать переговоры и заключить мир с монголами, чему правитель Коньи обещал способствовать: не совсем ясно, каким образом наиболее последовательный противник монгольской экспансии, начиная с 1219 г., потерявший в борьбе с ними все, должен был согласиться на подобный дипломатический шаг. Можно заключить, что послание Ала ад-Дина содержало в себе заведомо неприемлемые требования к хорезмшаху и иного результата, кроме усиления противостояния между этими правителями, эта ситуация и не предполагала. По-видимому, бывшие союзники не видели иного исхода, кроме войны, а письмо от Ала ад-Дина, привезенное посольством, было необходимо им лишь для отвода глаз или же просто чтобы выиграть время.

После провала переговоров Джалал ад-Дин начинает открытое противостояние со сформированной против него коалицией правителей, при том что некоторые из них еще недавно были связаны с хорезмшахом союзническими отношениями. «Страх перед непредсказуемыми действиями хорезмшаха Джалал ад-Дина и его войск, и угроза существованию всех малых владений в Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии привел к тому, что коннийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I создал против хорезмшаха коалицию, в которую вошли владетель Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, владетель Хаша Ибрахим Ширкух, владетель Хартаберта Уртук-хан, владетель Халеба Шамс ад-Дин Саваб, султан Майафарикина Шихаб ад-Дин Гази и султан Банйаса ал-Азиз Усман» [Бунятов, 1986, с. 175]. Логичным итогом в этой ситуации стало военное столкновение, за которым в историографии закрепилось название «битва у Йассы-Чамана», о чем сообщают уже такие ранние памятники, как труды Ибн ал-Асира и ан-Насави. У первого военное столкновение отнесено к 627 г. х.³, а в качестве победителей хорезмшаха фигурируют лишь Ала ад-Дин Кей-Кубад I и ал-Малик ал-Ашраф, последнему из которых и подчинился Хилат [Ибн ал-Асир, 2006, с. 396]. Само же описание сражения выглядит следующим образом: «Он (Джалал ад-Дин. — Д. Т.) увидел их состав, оружие и лошадей, и его грудь наполнилась страхом. Изз ад-дин Али вступил [первым] в сражение вместе с войсками Халаба, но Джалал ад-дин не выступил против них и, не выдержав, ушел, обратившись в бегство вместе со своим войском, [так быстро, что даже] брат не обращал внимания на [своего] брата. Его люди рассеялись и были полностью разбиты» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 397]. В сочинении ан-Насави приводятся иные подробности как о самом сражении, так и о причинах поражения хорезмийской армии, главной из которых автор считает болезнь Джалал ад-Дина: «Затем он направился к Хартберту и остановился там, ожидая сбора войск. В Хартберте он тяжело заболел, слег и потерял было надежду на выздоровление. Эмиры и ханы ежедневно, согласно этикету, собирались у его дверей и были готовы рассеяться в [разные] стороны государства. Ведь если бы им было объявлено о смерти султана, то каждый из них отправился бы в какую-либо часть государства и завладел бы ею» [ан-Насави, 1973, с. 255; un-Nesevi, 1934, s. 131]. При этом персидский историк

³ Т. е. 20.11.1229–8.11.1230 гг.

подчеркивает и тот факт, что причиной победы коалиции стали и ошибки, допущенные хорезмшахом: по мнению ан-Насави были собраны далеко не все имеющиеся войска, а план разбить противника по частям просто не сработал [ан-Насави, 1973, с. 255–256; un-Nesevi, 1934, s. 131].

Описание битвы при Йассе-Чамана в труде ан-Насави содержит, тем не менее, не так уж много подробностей: «Так вот, когда оба войска встретились, правое крыло войск султана одержало верх над их левым крылом и захватило холм, который господствовал над местностью. На помощь отступающему [левому крылу] был послан отряд, который заставил правое крыло султанских войск отступить с холма и отбросил его в долину. Атаки на них продолжались, они не устояли и побежали, как стадо антилоп, напуганных всадниками и попавших в зубы волкам. Те не верили, что это настоящее бегство [султанских войск] и считали, что это — задуманная хитрость, пока разгром не стал очевидным и не появились пленники. Поражение было полным, а добыча поступала непрерывно» [ан-Насави, 1973, с. 256–257; un-Nesevi, 1934, s. 131]. В более поздних арабо-персидских памятниках описание этого сражения может вовсе отсутствовать, как, например, в сочинении Джузджани [Ṭabakāt-i-Nāsiī, 1881, p. 297], или же обрастать новыми подробностями, которых нет в более ранних памятниках, как это видно на примере Джувейни. «Через несколько дней, когда войска стали сходитьсь, султан Рума, мелик Ашраф, и другие султаны и правители тех стран собрались все вместе, и у них было столько провизии и снаряжения и столько людей, что их число невозможно было сосчитать. Они расположили свои силы на вершине холма, с краю поставив метателей нефти и лучников со щитами из воловьей шкуры — пеших и конных» [Джувейни, 2004, с. 319]. Эту же традицию описания битвы у Йассы-Чамана можно отметить и в труде Рашид ад-Дина: «Через несколько дней войска сблизилась, и румский султан, и мелик Ашраф и другие мелики тех областей соединились вместе, и было у них такое множество вооружения и снаряжения, что и не сосчитать. Построили ряды на вершине холма. Впереди стояли огнеметчики, арбалетчики со щитами из воловьей кожи, пешие и конные» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 2, с. 29]. Преимущество можно отметить не только между поздними арабо-персидскими памятниками, но и между ними и сочинением ан-Насави. В частности, указание последнего на болезнь Джалал ад-Дина, упомянутую выше, отмечается и в последующих текстах [Джувейни, 2004, с. 319].

После битвы при Йассе-Чамана победители, по мнению З. М. Буниятова, не желали окончательной ликвидации поверженного противника, что подтверждается цитатой из позднего сочинения «Шараф-намэ» Шараф-хана ибн Шамс ад-Дина Бидлиси: «страх и благоговение перед ним столь прочно завладели их сердцами, что они не осмелились преследовать его и возвратились назад» [Буниятов, 1986, с. 182]. Впрочем, и ранние авторы, в частности ан-Насави, описывают примирение между Джалал ад-Дином и его главными противниками, которое, если судить по тексту этого памятника, не было инициативой обеих сторон. «В это время я вернулся из Хилата, куда я был послан для выполнения обязанностей, о которых расскажу в своем месте. Я застал ат-Тикрити в Табризе, где он уже завершил [церемонию] клятвы султана ал-Малику ал-Ашрафу в том, что он прекратит спор о Хилате и его округе. Однако султан воздержался от клятвы ‘Ала’ ад-Дину Кай-Кубаду. Поэтому пребывание ат-Тикрити затянулось. Прошел месяц, но султан продолжал настаивать на своем отказе и упорствовать, говоря: “Я уже дал вам клятву во всем, чего вы хотели. И не стойте больше

между мной и государем ар-Рума». Ат-Тикрити снова обратился к нему с требованием принести клятву, но султан не присягнул, пока не стали поступать известия о том, что татары достигли Ирака. Тогда он дал клятву правителю ар-Рума также в том, что он отказывается от претензий на его страну. Когда султан дал клятву ал-Малику ал-Ашрафу, что отказывается от Хилата и его округа, он исключил Сурмари, так как этот город считался издревле одним из округов Азербайджана» [ан-Насави, 1973, с. 259].

Перед нами вполне очевидная трансформация антимонгольской коалиции, созданной Джалал ад-Дином, в антихорезмийскую, борьба с которой истощила силы хорезмшаха перед лицом монгольской угрозы. Кроме того, как следует из приведенного выше послания Ала ад-Дина, борьба с монгольской угрозой виделась важной задачей лишь самому хорезмшаху, а его соседи были готовы идти на переговоры с этим противником. Отчасти этим, а также безрассудной политикой самого Джалал ад-Дина, можно объяснить тот факт, что, когда эта угроза становится абсолютно реальной, правители Ближнего Востока и Малой Азии предпочитают не вмешиваться в ход событий, несмотря на мольбы о помощи с хорезмийской стороны. «Сам же султан отправился в Тебриз, откуда, несмотря на свои разногласия с Предводителем Правоверных и султанами Сирии и Рума, послал к ним гонцов с сообщением о переходе через реку армии императора и о том, что числом и силой татарские полчища были подобны муравьям и змеям. Ни одна крепость и ни один город не могли устоять перед ними. Страх и ужас перед ними глубоко проник в сердце жителей тех мест. «Если меня не станет, — продолжал он, — вы не сможете им противостоять. Я для вас как стена Александра. Пусть каждый из вас пришлет мне на помощь отряд со знаменем, и когда известие о нашем союзе и согласии достигнет их, их клыки притупятся, а наше войско воспрянет духом. «И мы решили, что нам делать». Но если вы не отнесетесь к этому с серьезностью, вы увидите то, что увидите» [Джувейни, 2004, с. 320]. Примерно схожее сообщение можно найти и в труде Рашид ад-Дина: «Содержание извещения [было] таково: «**В**ойска татар очень много, на этот раз больше, чем всегда, и воины этих стран страшатся их. Если вы не окажете помощь людьми и снаряжением, то я, который стою стеной, пропаду, а у вас не окажется возможности противостоять им. Щадя себя и детей и [всех] мусульман, каждый подайте помощь одним полком войска со знаменем, дабы, когда до них [монгол] дойдет молва о нашем соглашении, они получили бы хоть небольшой отпор, а также и наши воины приободрились бы. Если же в этом отношении будет допущено какое-либо пренебрежение, то сами увидите, что будет, и получите то, что достанется» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 2, с. 30].

Подводя итоги, нужно подчеркнуть несколько важных положений: прежде всего, тот факт, что одновременно с формированием собственного государства в пределах Ирана и Ирака Персидского Джалал ад-Дин Манкбурны создает вокруг себя коалицию союзных ему правителей Ближнего Востока и Малой Азии, в том числе и для того, чтобы противостоять будущей монгольской экспансии. Однако собственная агрессивная внешняя политика, чрезвычайное расширение сферы влияния Хорезмийского государства, а также открытое нападение на бывших союзников привело к тому, что последние направили все свои усилия на ослабление этой державы. При этом отдельные сильные соседи хорезмшаха демонстрировали готовность идти на переговоры с монголами, что очевидно не входило в планы самого Джалал ад-Дина. В битве при Йассе-Чамана бывшие союзники нанесли такое поражение хорезмийской

армии, что это само по себе стало «сигналом» для начала новой волны монгольской экспансии. «В (шестьсот) двадцать седьмом году⁴ глава еретиков-исмаилитов отправил послание татарам, извещая их о слабости (сил) Джалал ад-дина, и о постигшем его поражении, побуждая их преследовать его, (воспользовавшись) его слабостью. Они гарантировали победу над ним, (по причине) его немощи, которую (Ала ад-дин и ал-Ашраф) навлекли на него» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 398–399].

Перед лицом этой угрозы Джалал ад-Дин обращается за помощью к бывшим союзникам, но даже сам, если верить сообщениям ан-Насави, не верит в то, что они помогут ему. «Мы никогда не сомневались в том, что они не помогут нам и не предпочтут нашей победы над врагом. И не надо жаловаться тому, кто немилосерден» [ан-Насави, 1973, с. 288]. Несомненно, главная причина этого кроется в действиях самого хорезмшаха с 1225 по 1230 г., которыми он настолько настроил против себя соседей, что те готовы были договариваться с кем угодно, отказывая при этом в какой-либо помощи Джалал ад-Дину. Это не отменяет того факта, что эти действия были в целом недалековидны, о чем хорезмшах предупреждал своих бывших союзников: «Если им (монголам) дать срок, то все остальные страны ислама окажутся перед гибелью... Молния зла уже сверкает, беда раздула свое пламя, и их остановят только совместные усилия всей общины мусульман и полное согласие» [ан-Насави, 1973, с. 288]. Однако даже современники этих событий склонны оправдывать действия противников Джалал ад-Дина и видеть главным виновником всех этих событий самого хорезмшаха. «Джалал ад-Дин был с плохой репутацией и скверно управлял страной. Он не оставил ни одного из соседних царей, с кем бы не враждовал, и не оспаривал с ним имущество. Он плохо обращался с соседями... И все цари отвернулись от него и не протянули ему руку помощи» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 399]. В результате, сам Джалал ад-Дин погибнет в 1231 г., а его соседям предстоит узнать о том, насколько весома угроза со стороны монгольских завоевателей и противостоять ей уже без этого военного и политического лидера, имевшего опыт удачных действий против столь опасного противника. Поэтому отчасти можно согласиться со словами, которые приводит в своем тексте ан-Насави, приписывая их правителю Джазиры и Хилата ал-Малику ал-Ашрафу, произнесшему их в связи с гибелью Джалал ад-Дина Манкбурны. «Вы поздравляете меня с его смертью? Но вы будете пожинать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжение неверных в страны ислама. Теперь нет подобного Хорезмшаху, который был стеной между нами и Гогом и Магогом» [ан-Насави, 1973, с. 296].

Литература / References

- ал-Асир ибн. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камалиддина. Т., 2006 [al-Asir ibn. "Al-Kamil fi-t-tarih". "The complete history book". Selected passages. Transl. P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].
- Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231*. М., 1986 [Bunijatov Z. M. *The State of Kboreszmakh-Anushteginids, 1097–1231*. Moscow, 1986 (in Russian)].

⁴ 627 г. х. = 9.11.1230–28.10.1231 гг. — Прим. авт.

- Джувејни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира*. Пер. Е. Е. Харитоновы. М., 2004. [Dzhuvejni. *Chingiz-khan. The History of the World-conqueror*. Transl. E. E. Haritonova. Moscow, 2004 (in Russian)].
- ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Пер. З. М. Бунятова. Баку, 1973 [an-Nasavi. *Life of Sultan Jalal ad-Din Mankburny*. Transl. Z. M. Bunijatov. Baku, 1973 (in Russian)].
- Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. В 3 тт. Пер. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*. 3 vols. Transl. A. K. Arends, Ju. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Цулая Г. В. Джалал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции. *Летописи и хроники. 1980 г.* М., 1981. С. 112–128 [Culaja G. V. Jalal ad-Din in the assessment of the Georgian chronicle tradition. *Annals and Chronicles. 1980*. Moscow, 1981. Pp. 112–128 (in Russian)].
- Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Gazi Behadour Khan*. Trad. B. Desmaisons. Vol. II. Saint Petersburg, 1874.
- Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi*. Texte Persan. *Recueil de textes relatifs a l'histoire des seldjoucides*. Ed. M. Th. Houtsma. Vol. IV. Leiden, 1902.
- Horst H. *Die Staatsverwaltung der Grossselgügen und Horazmsabs (1038–1231)*. Wiesbaden, 1964.
- Ibn Khaldun. Al-Ibar va divan al-mubtida va-l-habar. *Journal Asiatique*. Paris, 1849. T. XIV. Pp. 510–518.
- an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarib-e Jelali*. Tard. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945.
- un-Nesevi Ahmed Sehabeddin. *Celaluttin Harezemsab*. Transl. and annotated by Necip Asim [Yaziksiz]. Istanbul, 1934.
- Natanzi Moin ad-Din. *Montabab at-tavarib-e Moini*. Tehran, 1957.
- Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezem. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turkes, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1841.
- Mirhond. *La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turkes, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1840.
- Tabakāt-i-Nāsiṛī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān. Transl. by H. G. Raverty. Vol. 1. London, 1881.
- Tarib-i al-i Saljuk dar Anatoli*. Tehran, 1999.